

«Я зажёл в своём сердце огонь...»

Василий Яковлевич Ерошенко (13.01.1900–23.12.1952)

Мурашковска Ингрида Николаевна — главный специалист Методически-информационного центра Управления образованием г. Елгава (Латвия), магистр педагогических наук

Мурашковский Юлий Самойлович — участник лаборатории образовательных технологий «Универсальный решатель», консультант по ТРИЗ

Я думаю, что главное предназначение человека на земле — творить добро, жить для людей.
В. Ерошенко

Биография Василия Яковлевича Ерошенко интересна нам потому, что его жизнь и деятельность расширяют наше понимание Достойной Цели и творческих задач. Мы привыкли к тому, что Достойная Цель приносит пользу всем или многим людям, бороться за её осуществление приходится против сравнительно небольшой группы людей, осуществляющих «политику» в этой области. А Ерошенко боролся за поднятие качества жизни сравнительно небольшой группы людей. И боролся против всех.

Представьте себе ситуацию: вы встречаетесь со слепым человеком, закончившим какой-нибудь «сложный» институт. Какое чувство у вас возникает? Конечно, восхищение. Вспомните роман Короленко «Слепой музыкант». Герой не стал музыкальным гением — он просто очень хороший музыкант. Но мы восхищены и поражены. А ведь обычным выпускником вуза или музыкантом мы не восхищаемся. Волей-неволей мы предъявляем слепым пониженные требования, делаем им скидку на слепоту. То есть неявно отказываем им в полноценности. Даже если мы и осознаём, что этого делать не следует. К сожалению, и слепые нередко начинают верить в свою неполноценность.

У Василия Ерошенко была Цель (хотя он её и не формулировал так чётко): доказать, что слепой человек абсолютно ни в чём не уступает зрячему. Заставить понять это слепых и, что ещё важнее, зрячих и бороться, фактически, против всех нас, против той «жалости», которую у нас почти не отнимешь. Способ, который он для этого выбрал, был самым надёжным: правильная педагогика, подкреплённая личным примером. Ибо сам Василий Яковлевич с четырёхлетнего возраста был слеп.

Для достижения Цели Ерошенко ставил перед собой ряд последовательных подцелей. Поскольку задача перед ним стояла всемирная, — так он её понимал, — то следовало ознакомиться с педагогикой для слепых во всех странах. Для этого надо путешествовать. А следовательно, знать языки. Для обработки информации надо уметь писать. Значит, нужно образование. И так далее. Впрочем, это было потом. А первой цели — преодолеть слепоту — Ерошенко начал добиваться с четырёх лет.

Точно неизвестно, были ли у Ерошенко долгосрочные программы. Но примерные планы по каждому направлению были. В семилетнем возрасте он составил *план обучения музыке*. Сначала приходивший педагог обучал его игре на скрипке, потом он сам учился играть на фортепиано. Затем учился в Москве в школе для слепых. Когда Ерошенко узнал о существовании в Англии Академии музыки для слепых, он вносит в план и это — и добивается поездки.

План получения общего образования: та же школа в Москве, специальный колледж в Англии (одновременно с учёбой в Академии), список стран, в которых нужно было посещать университеты. С какого уровня в своей среде ему нужно было подниматься, можно судить по письму, которое отец прислал ему в Китай. Адрес был такой: «Китай, Пекинъ. Пекинский университет. Прохвесору Испиранта Василию Ерошенку». Ерошенко получил высшее образование, и профессором Эсперанто он действительно был не только в Пекинском, но и в Токийском университете. Если план посещения университетов нарушался, то пропущенное

пополнялось в любой момент. Так, будучи в гостях у немецких эсперантистов, он посещал вольнослушателем Геттингенский университет, таким же образом слушал лекции в Сорбонне.

Планы поездок. Ерошенко объездил полмира. И это в сложнейшей международной обстановке в начале XX века. Этим планам сопутствовали планы изучения иностранных языков. Перед первой заграничной поездкой Ерошенко не мог найти учителя английского, да и времени до начала учёбы оставалось немного. Тогда он нашёл обходной путь: изучил язык эсперанто. Предупреждённые о его приезде английские эсперантисты помогли ему устроиться и обучили английскому.

Один из самых сложных и детально разработанных планов — это *план реформы образования для слепых в Бирме*. Это был личный план — больше рассчитывать было не на кого (да и не рассчитывал Ерошенко ни на кого другого всю жизнь). Аналогичный план был составлен для организации школы слепых в Туркмении.

Характерно, что практически все планы Ерошенко (кроме тех, которым помешала смерть) были выполнены. Не в исходном виде, — обстоятельства вносили коррективы, подчас принципиальные, — но выполнены.

Работоспособность у Ерошенко с детства была потрясающей. В этом смысле он буквально подчинял себе других людей. В семилетнем возрасте он уговорил учителя игры на скрипке приезжать к нему из другой деревни каждый день. Одновременно он убедил мать, и та, собрав последние деньги (семья Ерошенко была обычной крестьянской семьёй украинцев переселенцев в Россию), купила старое разбитое пианино. Играть на нём Ерошенко учился сам.

Интересен его распорядок дня в Лондоне до начала учёбы. В десять утра (в момент открытия) Ерошенко был уже в Британском музее, в отделе литературы, напечатанной шрифтом Брайля (шрифт для слепых). В два часа обед, прогулка по ближайшим букинистическим магазинам и снова работа в библиотеке музея до закрытия — до семи. Вечером, дома — музыка (гитара и балалайка) и литература (первые попытки писать). Отклонение от этого распорядка допускалось только по воскресеньям, когда Ерошенко посещал «Коммунистический клуб» — клуб русских политэмигрантов.

Для работы использовался любой «клочок» времени. Вернувшись на несколько дней в родную деревню, Ерошенко не проводил время в беседах с односельчанами (единственный образованный в селе, да ещё и за границей побывал!), а принялся за изучение японского языка — уже была запланирована поездка в Японию.

Те, кто изучал иностранные языки, могут себе представить, какой работоспособностью надо обладать, чтобы за две недели изучить тайский язык (по учебнику, написанному по-английски) настолько, чтобы записывать с голоса тайский фольклор. То же самое было и перед работой в Туркмении. Первые уроки в туркменской школе Ерошенко вёл уже по-туркменски.

В школе для слепых в Бирме, где он одновременно был и директором, и учителем-универсалом, он успевал ещё и записывать бирманский фольклор.

Но особенно его работоспособность проявилась в литературе. Первые рассказы на японском языке он написал за несколько ночей (днём — лекции в Токийском университете). Так же ночами были написаны и рассказы на китайском языке (дни были заняты лекциями в Пекинском университете).

Пять лет, проведённые в Москве (в тридцатые годы), были заполнены до последней секунды. За это время Ерошенко перевёл на японский язык ряд произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. К тому же последний год был посвящён подготовке к организации школы слепых в Туркмении.

Уже будучи тяжёло больным (рак), Ерошенко продолжал писать, приводить в порядок свои работы по педагогике. Последний рассказ был написан за три дня до смерти. Работа не прекращалась даже во время приступов.

Невозможно в полной мере осознать трудности, возникающие перед слепым человеком. Для нас это могут быть вообще не задачи, а для слепого — задачи высокого творческого

уровня. Вот, например, в годы учёбы в Москве Ерошенко задумал ознакомиться с классической русской литературой. Казалось бы, что в этом сложного? Но обычные книги читать он не мог, а книг из русской классики, напечатанных шрифтом Брайля, просто не было. Да и режим в школе не позволял отвлекаться. К тому же по вечерам приходилось подрабатывать в оркестре одного из московских ресторанов. Ерошенко находит выход. Вместе с товарищем они нанимают безработного старого актёра, и тот по утрам в течение двух часов читает им вслух. Представьте себе тяжёлую атмосферу дореволюционной «благодетельной» школы для слепых детей бедняков, и вы поймёте, что такой ход был сильным и необычным.

Было и то, что мы привыкли называть творческими задачами. Как в Китае в условиях жесточайшей цензуры написать о целях и задачах революционного движения в России? Снова использование ресурсов — китайских традиционных аллегорий. В его рассказах, написанных в Китае (на китайском и эсперанто), появляются типичные для китайской литературы образы: остров Счастья, море Вечной любви и т.п. На первый взгляд, это типовые литподделки. Но расстановка этих аллегорий необычна. Она о многом говорила образованному китайцу. Революция есть, — и революции нет, она растворена в аллегориях.

А как передать пейзаж, внешний вид описываемых объектов? Ведь Ерошенко не собирался ограничиваться слепыми читателями. Он писал для всех. А зрячим обязательно нужен цвет. Сам Ерошенко признавался, что с детства запомнил только цвет неба. И он применяет приём «вред в пользу». В одном из рассказов, например, он сразу предупреждает читателя, что автор слеп, а затем использует только те цвета, которые связаны литературными штампами с определёнными понятиями: «...все цветы там грязно-серого цвета, словно покрытые пеплом или свинцом». Или использует принцип посредника, вводя вместо цвета... запах.

А вот пример удивительно красивого решения педагогической задачи.

В поисках учеников для туркменской школы (это он тоже делал сам) Ерошенко наткнулся на слепого сироту по имени Дурды. Удивительно, как вообще выжил этот малыш. Всё, что он знал о мире в свои шесть лет, — это голод и непрерывные избиения за попрошайничество. Он был убеждён, что все люди — звери, что сам он в этом мире никому не нужен. Ерошенко привёз его в школу, накормил, напоил. Педагогические нормы советуют в таких случаях несколько лет постепенно завоевывать доверие. Но Ерошенко не мог ждать и дня. Он повел Дурды в горы (кстати, Ерошенко был неплохим альпинистом-любителем). Вдвоём они зашли на одну из вершин, и Ерошенко попросил малыша крикнуть своё имя. «Я — Дурды!» — крикнул тот. И эхо несколько раз повторило его имя. «Вот видишь, — сказал Василий Яковлевич, — даже здесь, в горах тебя все знают и любят...»

Дурды Питкулаев много лет после смерти Ерошенко был директором той самой школы в Туркмении.

В путешествиях также приходилось решать задачи.

За распространение сведений о русской революции в Индии английские колониальные власти выслали его под арестом на корабле. Как убежать с военного корабля? В этом случае Ерошенко снова обратил вред в пользу. Ведь у слепого прищурены глаза. С помощью друзей Ерошенко красит лицо желтым гримом, цепляет косичку, одевается в одежду китайского кули (грузчика) и, взвалив на спину мешок, в ближайшем порту спокойно сходит с корабля.

Может показаться, что всё это просто авантюры. Но ведь это — путь к Цели! Чтобы быть на одном уровне со зрячими, слепой должен их превзойти.

Организовывая школы для слепых, Ерошенко сам собирал детей, сталкиваясь при этом с различными сложностями. Однажды он поехал в далёкое чукотское стойбище — там жил слепой мальчик. Собаки, испугавшись сильнейшего бурана, оторвались от нартов и убежали. Что делать в таких условиях, когда реальной становится возможность погибнуть, и это в самый разгар работы? В буран гибнут от холода даже опытные люди. Ерошенко опять использовал ресурсы. Он сел на нарты, выпрямившись и развернувшись лицом к ветру. Через несколько минут его покрыла толстая снежная «шуба», оставалось только проделать палкой дырку для дыхания. А через несколько часов, когда буран стих, вернулись собаки.

Ударов Ерошенко получал предостаточно. Первый удар был от религии. Он ослеп, когда

зимой во время болезни бабушка, втайне от неверующих родителей, понесла его крестить. Религия не оставляла его в покое и потом. Токийская православная церковь препятствовала ему читать в Японии лекции (под названием «Русские народные песни» он рассказывал о революционном движении в России). В Туркмении и на Чукотке религиозные родители не пускали детей в его школу. С самого начала шли типовые удары внешних обстоятельств. Образование: палочная педагогика в московской школе. Пример тогдашней педагогики: Ерошенко и его товарищей наказали розгами за то, что они не «почувствовали», что с ними говорит князь. На это он отвечал самообразованием. Отсутствие денег: приехав в Японию, Ерошенко получил письмо из дому, в котором отец сообщал о невозможности высылать деньги. Ответ — лекции о России, затем самостоятельные педагогические заработки.

В Сиаме (сейчас Таиланд) Ерошенко представляет правительству план образования слепых детей. Все усилия он брал на себя и предлагал работать бесплатно, но наткнулся на стену равнодушия. Из-за демократичных методов работы (он, например, запрещал бить детей) его выгнали из школы в Бирме. В Индии английские власти отказали ему в визе на выезд. Вторая поездка в Японию закончилась тем, что Ерошенко как члена Социалистической лиги Японии и делегата её второго съезда разъярённая толпа жестоко избила, его отволокли в полицию, а там, решив, что он притворяется слепым, принялись разрывать веки. Из камеры-одиночки его перевели на корабль, не дав даже собрать вещи, и выгнали из Японии. Его рукописи при этом остались в полиции и не найдены до сих пор.

Очень тяжёлым ударом для Ерошенко была невозможность вернуться на родину. Он не прекращал попытки вернуться из Сиама, из Индии, из Китая. Из Японии ему удалось наконец вырваться во Владивосток. Но город был во власти белой армии, и после нескольких месяцев скитаний Ерошенко был вынужден пешком уйти в Китай.

Условия жизни у Ерошенко даже в самые лучшие периоды были отнюдь не райскими. В его московской комнате можно было достать руками одновременно до обеих стен. В эту комнатку он ухитрился наставить стеллажи с книгами (брайлевские книги занимают большой объём — их печатают на картоне). Но неудобств Ерошенко просто не замечал. Зато он вынужден был замечать другое. Когда его выгнали из школы в Туркмении (которую он сам же организовал по просьбе правительства Туркмении), он уехал, не успев забрать огромную коллекцию ценных брайлевских книг, журналов и своих рукописей по педагогике. Вернувшись второй раз, он обнаружил, что вся коллекция просто уничтожена.

В 1924 году в Японии готовился к печати второй сборник рассказов Ерошенко. Весь тираж уже был напечатан и ждал отправки в торговую сеть. Но началось страшное землетрясение, и все книги погибли. Ни одного экземпляра так и не было найдено.

С годами ухудшалось здоровье. Условия, в которых он жил в Сиаме, были отвратительными. В период дождей надёжно укрыться было негде. В результате одной из тогдашних простуд он оглох на одно ухо. Уже на родине он снова почувствовал себя плохо и обратился к одному из московских врачей. Тот, решив, что перед ним малограмотный крестьянин, громко сказал ассистенту диагноз по-латыни: канцер (рак).

И ещё одно. В Японии Ерошенко полюбил журналистку. Однако она не захотела связывать свою жизнь со слепым. С тех пор Ерошенко всю жизнь избегал близких отношений с женщинами.

За три дня до смерти Ерошенко закончил последний рассказ. «Теперь я спокоен, — сказал он племяннице, — тут плоды моих раздумий. А теперь можно и умереть, — отдохнуть от долгих трудов...» Этот рассказ он попросил отправить знакомым в Москву, чтобы те опубликовали его. Но бандероль затерялась на почте...

Свой архив Ерошенко завещал Всесоюзному обществу слепых. Там были его произведения, разработки по педагогике слепых, ценные брайлевские книги. Архив весил около трёх тонн. Чиновник, принимавший архив, решил, что Ерошенко — просто какой-то чудак. И сжёг все рукописи и книги.

И всё же, несмотря на потери, результаты деятельности Ерошенко огромны. Три сборника новелл и рассказов на японском языке. Сейчас писатель Эро-сан (так называли Еро-

шенко) — классик японской литературы, его сказки входят в обязательный курс младших классов японской школы. В Китае известен писатель и драматург Айросяньке. Сиамский и бирманский фольклор впервые в мире записал именно Ерошенко. Сохранились газеты с его статьями на английском, немецком и эсперанто. Слепые дети Туркмении до сих пор обучаются по его азбуке — он разработал брайлевский шрифт для туркменского языка (для чукотского не закончил).

К сожалению, не удалось восстановить уникальную методику обучения иностранным языкам, которую разработал Ерошенко. Беспризорные слепые дети, которых Ерошенко учил по этой методике в Подмоскowie сразу после войны, через год свободно говорили на английском и японском языках.

Не смогли восстановить и методику обучения слепых независимости движений. Сам Ерошенко ходил без палки даже в незнакомых городах. То, что он слеп, можно было различить только вблизи.

Но главный след остался в сердцах слепых. До сих пор сотни его учеников в десятках стран мира считают Ерошенко не только учителем, но и человеком, который вернул их в жизнь. Его имя и биография известны слепым во всём мире.

«В учениках я нашёл своё продолжение, — говорил Ерошенко, — и это даёт мне ощущение счастья».

«Человек чувствует себя полноценным только тогда, когда он трудится», — в этих словах Ерошенко, сказанных одному из своих учеников, — вся его жизнь.